

«СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ» В РОССИИ (НАЧАЛО XX В.)

В начале XX в. в Европе и России обозначился очередной подъем интереса к «славянской идее». В новых национально-государственных и международно-политических условиях ее сторонники полагали необходимым развивать культурное, экономическое и политическое сотрудничество славянских народов. В печати все настойчивее звучали призывы к «общему покаянию славян друг перед другом», в смысле разрешения польско-русских, сербохорватских и сербо-болгарских противоречий [1].

Одновременно подчеркивалось принципиальное отличие «возродившегося» славянского движения от тех течений, которые ассоциировались в российском и западноевропейском общественном сознании с понятием «панславизм». Его призван был сменить другой термин, и, как предполагалось, иная идеология – «неославизм». Принципиальные отличия неославизма от славянофильства и панславизма представлялись сторонникам нового идейного течения в состоявшемся переходе борьбы между немцами и славянами из теории к открытой конфронтации.

Достижение славянского единства виделось его идеологам в начале XX в. по-разному. Одни неослависты отрицали возможность политического консенсуса и допускали сотрудничество и взаимопонимание между славянскими народами только в экономике и культуре. «Нет сомнения, – писал историк и юрист А. Л. Погодин, – что победа неославизма будет победой человеческой культуры, большим шагом вперед в развитии гуманизма. В настоящее время национальная борьба в Европе свелась, в чистом виде, к борьбе именно немцев со славянами. Сплотив последних не для завоевательных целей, неославизм – в отличие от старого славянофильства ... – потребует, чтобы и пангерманизм сложил оружие своих завоевательных стремлений». В начале XX в. все панидеологии, существовавшие на тот момент в Европе и Азии, воспринимались неославистами как трансформация национально-государственных устремлений к общечеловеческому единению, в рамках которого не будет места не только национальной принадлежности, но и религиозным и лингвистическим особенностям [2].

Другие неослависты, вслед за народовольцем Н. П. Стародворским, полагали, что неославизм представляет собой явление, прежде всего, политическое, и его реализация возможна только силовыми методами: «Россия шаг за шагом, с оружием в руках»

при поддержке Франции нанесет решительный удар немцам и мадьярам, результатом чего станет распад Австро-Венгерской империи. Далее Н. П. Стародворский предлагал два возможных политических сценария объединения южных и западных славян с Россией: «Подчиняясь закону развития, маленькие славянские государства найдут для себя ...выгодным и удобным соединиться в один политический организм (подобно Италии). Или же это объединение произойдет одновременно с падением Австро-Венгрии, причем русский царь тут же на поле битвы будет провозглашен славяно-русским императором» [3]. Автор проекта полагал, что в этом случае придется «отказаться» от монархии и установить федерацию. Иллюзорность подобной постановки проблемы национально-государственного переустройства сомнений не вызывает.

Неославысты (неославянофилы) не обошли также своим вниманием вопрос об общеславянском языке и литературном единстве. Как и их предшественники, неославысты предлагали принять за общую основу русский язык и русскую литературу: «Из [славянских] азбук самая удобная для славянских языков – русская. ...Принятие ее избавило бы поляков, чехов и хорватов от употребляемых ими для многих общих с русскими звуков побочных знаков, которые обременяют нынешнюю их печать и замедляют письмо» [4].

Однако главными проблемами оставались все же политические. В 1905–1906 гг. на страницах либеральных изданий появился проект «Славянского союза», цель которого состояла в установлении в России демократического конституционного порядка и в предоставлении полякам культурно-политической автономии. В международных отношениях авторы проекта акцентировали внимание на восстановлении влияния «русского колосса» в Европе, существенно подорванного поражением в войне с Японией (1904–1905 гг.). Они видели угрозу России и российским славянам также в растущем экономическом и военно-политическом влиянии кайзеровской Германии. Одним из наиболее важных пунктов проекта выдвигалось заключение таможенного союза с Габсбургской монархией.

На этом фоне одной из главных задач становилось развитие межславянских контактов. Вопросы, связанные с расширением культурных и экономических связей, обсуждались на Всеславянских съездах 1908 и 1910 гг. Предполагалось учреждение Всеславянского банка, Всеславянского таможенного союза, славянского туризма и т. п.

Активизировалось изучение славянской филологии. Попыткой «приняться за более широкое изучение славянства» явился Предварительный съезд русских филологов в Санкт-Петербурге (1903 г.), организованный Российской академией наук. Участники форума, среди которых были не только русские, но и хорваты, сербы, поляки, болгары, чехи, словинцы и др., поставили перед собой задачу издания «Энциклопедии славяноведения» или краткого научного сборника по славянской филологии. Однако все усилия делегатов данного форума найти практическое решение обозначенной задачи потерпели крах, столкнувшись с проблемой выбора языка для составления данной энциклопедии.

Стимулом к возобновлению сотрудничества российских общественно-политических деятелей с зарубежными славянскими коллегами послужила инициатива магистра гражданского права Новороссийского университета А. А. Борзенко, предлагавшего созвать в России очередной Всеславянский съезд. Она получила одобрение и со стороны петербургского правительства, но с оговоркой, что в роли его устроителя должна выступать какая-либо неправительственная общественная организация (например, Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество).

На предложение А. А. Борзенко положительно отреагировали представители австрийского рейхсрата. Лидер славянского движения К. Крамарж высказал надежду на скорейшее разрешение русско-польских противоречий и установление более тесных взаимоотношений между Российской и Дунайской империями в Восточной Европе. В свою очередь, австрийский премьер-министр А. фон Эренталь увидел в перспективе австро-русского сближения возможность повлиять на формирование балканской политики официального Петербурга с учетом интересов, прежде всего, Вены, а не Сербии и Черногории. Таким образом, заинтересованность правящих кабинетов Австро-Венгрии и России во взаимном сотрудничестве создала благоприятную почву для формирования идеологического содержания неославистского движения.

В апреле 1908 г. в Праге состоялись переговоры между русским Клубом общественных деятелей и представителями комитета по подготовке очередного Славянского съезда для обсуждения и утверждения новой программы культурно-экономического взаимодействия славянских народов. При этом экономические связи между славянами планировалось упрочить посредством образования в Москве или Петербурге Всеславянского банка с филиалами во всех славянских землях.

Российские дипломаты благожелательно отнеслись к заявлению Вены об аннексии Боснии и Герцеговины. Они рассчитывали, что усиление Австро-Венгрии в балканском регионе может быть компенсировано, с одной стороны, изменением режима черноморских проливов в пользу России и территориальными уступками Сербии и Черногории, а, с другой, – численно увеличит славянское население Австро-Венгрии, а, следовательно, повысит его политическую роль в империи.

Впрочем, далеко не все сторонники славянского единства разделяли столь оптимистичные предположения дипломатов. Лидер правого крыла кадетов В. Маклаков прямо заявлял, что аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией приведет не к усилению в ней славянского элемента, а лишь упрочит немецкое господство: «Нельзя подвергать Боснию опытам искусной и жестокой германизации... положение австрийских славян станет прочно тогда, когда ... не механическим присоединением новых славян к Австрийской монархии, а общей победой славянского дела в Европе достигнется и желанная славянизация Австрии» [5].

После боснийского кризиса сербские и болгарские неослависты высказали твердое намерение всемерно поддержать Россию в деле создания Балканского союза. В связи с этим, в 1910 г. открылся панславянский конгресс в Софии. Как и Пражский конгресс, он был посвящен, большей частью, проблеме объединения славян в области культуры и экономики. Особое внимание делегаты съезда уделили вопросам организации работы славянских филологов в Праге, установлению тесных связей между славянскими академиями, учеными обществами, составлению славянского словаря, выработке общеславянской научной и торговой терминологии. Примечательно, что на форум был приглашен Л. Н. Толстой. Однако приехать в Софию он отказался, дав недвусмысленно понять, что его интерпретация «единства» резко отличается от той, которая предлагается сторонниками неославизма: «Да в единении и смысл, и цель, и благо человеческой жизни, но цель и благо это достигаются только тогда, когда это единение *всего* человечества во имя основы, общей *всему* человечеству, но не единение малых или больших частей человечества во имя ограниченных, частных целей. ...И только для того, чтобы сознательно служить истинному прогрессу, ...должно не содействовать всем таким частным соединениям, а всегда противодействовать им». Л. Н. Толстой исходил из того, что славяне, освободившись от немецкого и турецкого ига, и объединившись в одно

государство, окажутся в аналогичном положении под скипетром Романовых. И славянское единство будет базироваться на насилии, на «подавлении и эксплуатации более слабых соединений и отдельных личностей» [6].

В целом Софийский форум не выработал конструктивных решений и проектов. Доклады обсуждались без особого энтузиазма. Прения возникали лишь по наиболее актуальным политическим вопросам, например, о Македонии. Отдельные представители болгарской и польской общественности выступили против панрусизма официального Петербурга. Вокруг съезда сложилась напряженная политическая атмосфера. Это вызвало негодование российских неославистов.

Известный ученый-славист А. Л. Погодин обратился с призывом к сторонникам славянского единства принять во внимание опыт панамериканских конгрессов. Залогом успеха последних, утверждал он, явилось отсутствие у США стремлений к установлению господства в рамках атлантической цивилизации, желание объединить всех американцев на исключительно демократических началах – всеобщей свободе и равенстве. Славянские народы ставят перед собой схожие цели. Однако, в отличие от американцев, у славян сталкиваются при этом «*«державные»*» стремления с завоевательными. ...Соединенные Штаты имели возможность показать крошечным республикам Южной Америки свое политическое преобладание и великодушно отказывались от этого; русские участники славянских съездов постоянно указывали на неравенство славянских народов, а последний съезд в Софии представлял прямо-таки картину недостойного подобострастия перед Россией» [7].

Сложившаяся ситуация вызвала реакцию и со стороны большевиков: «Его (т. е. Софийского съезда. – А. Г.) смысл, – по словам Л. Д. Троцкого, – можно кратко выразить так: политические банкроты разных славянских стран собрались воедино, чтобы прокричать о своем банкротстве на весь мир». Для революционеров-интернационалистов большее значение имел форум болгарской рабочей партии. В отличие от неославистов, на этом форуме было достигнуто единство в решении Восточного вопроса: «государственное объединение Балканского полуострова» возможно только в форме федеративной республики, ответственность за обеспечение жизнеспособности которой «*«всей своей исторической тяжестью»*» ложилась на плечи «*«балканского пролетариата»*» [8]. Тем самым социал-демократия предложила свой, «*«пролетарский»*», вариант славянского единения.

Славянский конгресс в Софии, изначально призванный помочь этнически и конфессионально родственным народам прийти к миру и взаимопониманию за счет образования единого культурно-экономического пространства, не сумел устранить внутренних территориально-политических конфликтов.

Таким образом, очередной подъем интереса в начале XX в. к «славянской идее» во многом обеспечивался совпадением политических интересов славянских государственных и общественных деятелей. В условиях военно-экономического усиления Германии и активизации германской экспансии на Балканах крепла уверенность в неизбежности вооруженного столкновения славянской и германо-романской цивилизаций, панславизма и пангерманизма. Для того чтобы эта война не закончилась трагедией для славян, полагали неославянофилы, необходимо в кратчайшие сроки урегулировать все «внутрисемейные» противоречия путем установления между «братскими» народами более тесных экономических, политических и культурных связей на паритетных началах. Однако обнаружившиеся, в частности во время Софийского съезда (1910 г.), непримиримые противоречия между славянами существенно снизили интерес российского общества и политических кругов к неославистскому движению. Однако российская дипломатия по-прежнему продолжала тщательно отслеживать динамику развития славянских взаимоотношений.

Примечания

1. Ненашева З. С. Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2001. № 1. С. 131.
2. Погодин А. Л. Причины и цели новейшего славянского движения // Вестн. Европы. 1909. № 1. С. 263–264.
3. Стародворский Н. П. Панславизм и его задачи (статья) // Архив РАН. Ф. 543 Оп. 5. Д. № 180. Л. 26.
4. Абель К. О возможности общеславянского литературного языка // Изв. С.-Петербур. славян. благотворит. о-ва. 1885. № 9. С. 393.
5. Маклаков В. А. Босния и славянский вопрос // Речь. 1908. 2 нояб.
6. Толстой Л. Н. Славянскому съезду в Софии. URL: <http://www.philosophy.ru/tolstoy/to110.htm>.
7. Погодин А. Л. Панамериканские и всеславянские съезды // Вестн. Европы. 1911. № 6. С. 317.
8. Троцкий Л. Перед историческим рубежом. Балканы и балканская война // Соч. Т. 6. М. ; Л., 1926. URL: <http://www.pseudology.org/trotsky/trotm083.htm>.